

каталоге (14 ил.), предлагаемые автором датировки вполне приемлемы.

Хорошо, что книга снабжена вкладышем на английском языке с перечнем памятников, их кратким описанием, указанием размеров, происхождения и датами, а также отсылками к иллюстрациям.

Несколько слов о библиографии (с. 103). Некоторые из указанных в ней работ требуют пояснений или уточнений. Опубликованная на русском языке статья Н.Т. Беляева “Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды” (1926) почему-то передана латиницей. То же самое произошло и с двумя работами Н.П. Толля (1932 и 1937). У каталога “Koptische Weefsels”, 1982 г. есть авторы – А.С. Lopes Cardozo, С.Е. Zijderveld (“Koptische Weefsels”. Haag, 1982). Требуют расшифровки и альбом-

каталог Р.Д. Шуриновой собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина – *Shurinova R. Coptic Textiles. Leningrad, 1967 = Coptic Textiles. Collection of Coptic Textiles. State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. Leningrad [1967]* и труд Р. Пфистера и Л. Беллинжер – *Pfister-Bellinger 1945. New Haven, 1945 = The Textiles (The Excavations at Dura-Europos Final Report IV. Pt. II). New Haven, 1945.*

Но это все мелочи. Благодаря этому изданию специалисты по коптскому ткачеству получили возможность оперировать еще одной группой тканей, профессионально описанных и аргументированно датированных, уверен, что и исследователи других специальностей найдут в каталоге интересный для себя материал.

Е.В. Каковкин

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭКСТРАКТ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Шенгели Г. Повар базилевса. Византийская повесть // Шенгели Георгий. “Иноходец”. Собрание стихов. Литературные статьи. Воспоминания. М.: Изд-во “Совпадение”, 1997. С. 313–354; комментарии: с. 502–512.

Не вполне своевременно, на первый взгляд, рецензировать произведение, написанное более 50 лет назад. Однако в случае с “византийской повестью” “Повар базилевса” Георгия Шенгели это оправдано: будучи завершена в 1946 г., она существовала лишь в рукописи и только в 1997 г. стала доступна как для широкой публики, так и византистам-литературоведам и историкам. Тема “Византия в русской поэзии” представляет значительный исследовательский интерес: она находится в русле неотъемлемой от византистики дисциплины “*Byzance après Byzance*” и до сих пор практически не разработана.

Отражение в литературе и искусстве событий византийской жизни представляет ценность для византистики потому, что в нем реализуется взгляд со стороны на профессиональные занятия византиноведов, в основе которого –

иной (художественный) способ познания той же самой действительности. Поэтому и выход в свет “византийской повести” Г.А. Шенгели, по-видимому, самой большой русской поэмы о Византии, заслуживает внимания ученых.

Следует напомнить читателю, что Георгий Аркадьевич Шенгели родился 20 апреля 1894 г. на Кубани в семье адвоката. Он учился в Керченской гимназии, затем в Московском и Харьковском университетах. С 1914 г. Г.А. Шенгели стал выступать в печати как поэт, с 1917 г. – как ученый-стиховед. В первом своем качестве он опубликовал 17 поэтических книг. Во втором – являлся профессором Московского высшего литературно-художественного института, действительным членом Государственной академии художественных наук (ГАНХ), автором авторитетных научных трудов по теории стихосложения. В 1925 г. Г.А. Шенгели был избран председателем всероссийского союза поэ-

тов. В связи с политическими обстоятельствами, незадолго до разгона ГАНХ, Г.А. Шенгели в 1929 г. уезжает в Самарканд, а после возвращения в Москву с 1933 г. работает редактором в Гослитиздате. На этой должности он много сделал для публикации оригинальных стихов и переводов ряда больших русских поэтов и сам много работал как переводчик. Умер Георгий Шенгели в Москве 16 ноября 1956 г.

О поэтическом наследии Г.А. Шенгели современный читатель может судить по двум основным изданиям: сборнику поэм "Вихрь железный" (М., 1988) и книге, в состав которой включена рецензируемая поэма. Последнее издание в значительной части состоит из не публиковавшихся ранее произведений. Оно опубликовано под титулом "Иноходец" (использовано название одной из поэм Г.А. Шенгели), и представляет не просто сборник произведений автора, но и их научную публикацию.

Поэма "Повар базилевса" писалась Г.А. Шенгели в годы Великой Отечественной войны. В ее сюжете причудливо переплетаются с вымыслом подлинные события византийской истории. Вот как выглядит вкратце ее фабула.

На восточной окраине Империи ромеев, в провинциальном Пантикапее (на берегу Керченского пролива) живут двое юношей. Они дружат, оба поют в соборном хоре. У одного из них, по имени Вардан, обнаруживается исключительный дар певчего. В это время в феме Херсон оказывается в ссылке низложенный византийский император (не называемый по имени). Он восхищается пением Вардана, приближает его к себе, а когда через несколько лет возвращается на престол, забирает его в Константинополь. Тем временем друг Вардана Спирос становится хозяином харчевни в Пантикапее.

У императора имеется властная молодая сестра Пульхерья. Она влюбляется в певчего Вардана и настаивает на браке. Вардан женится на августе, становится кесарем и вместе с супругой находит способ устранения императора. Василевс гибнет от рук подосланных убийц, один из которых затем по прика-

зу Вардана убивает и малолетнего царского сына. Вардан лично поражает кинжалом умертвителя порфирородного царевича и объявляет, что государь и его сын погибли по приказу августы Пульхерьи. Он выдает ее на расправу народу. Вардана провозглашают императором.

Из Пантикапея новый василевс вызывает товарища своих детских лет Спироса и делает его царским поваром, так как опасается отравителей. Стремясь распространить власть ромеев на всю ойкумену, он готовится к большой войне. Народ стонет от поборов. Вардан, человек жестокий и высокомерный, совершает множество несправедливостей, унижает придворных, в том числе и бывшего друга. Оскорбленный царский повар решает мстить. Результат сказывается скоро:

"И уже клонился день к закату,
Как пошли глашатаи по столице
Возвещать, что святейший император
От жестокой колики скончался" (с. 353).

В кратком изложении невозможно дать представления ни о художественных достоинствах поэмы, ни о качестве проработки византийских реалий. В целом Г.А. Шенгели блестяще владеет используемым им историческим материалом. В свободе, с которой он повествует о Византии, ощущается даже своеобразное профессиональное эстетство.

Иногда стремление автора к исторической скрупулезности делает текст, пожалуй, скучноватым для не византиниста (а последнего может побудить к поиску частных неточностей).

Если взять за основу источники, относящиеся к какой-то конкретной эпохе, легко установить, что описания поэта часто не совпадают с историческими данными. Примеры этого привести не трудно. Но речь вряд ли должна идти о фактических ошибках Шенгели, хотя таковые, разумеется, не исключены. Весь текст поэмы строится из эпизодов византийской истории разных времен. Рискнем предположить, что эти темпоральные сдвиги специально запрограммированы автором. В 1946 г., когда Г.А. Шенгели рассчитывал опубликовать

“византийскую повесть”, он написал к ней послесловие, где утверждал, что сюжет, переработанный им в поэму, обнаружил в бумагах собственной бабушки, и соответствующая рукопись, по-видимому, принадлежала его прадеду Н.Г. Вусковичу-Кулеву, “далмату из Рагузы” (Издатель В. Перельмутер резонно отмечает, что подобный прием неоднократно использовался в европейской литературе, и ссылается на “Повести Белкина” А.С. Пушкина – с. 503.)

Г.А. Шенгели, согласно предлагаемой им версии, лишь переложил на язык поэзии старинную повесть. По словам Шенгели, «все обстоятельства повествования, до мелких подробностей, правдивы как разрозненные факты и вымышлены как комплекс. Повествование, таким образом, представляет собой любопытный и опирающийся на изрядную осведомленность экстракт кровавой византийской истории, пронизанный интересной историографической идеей и насыщенный бесспорным гуманизмом. Автор брезгливо говорит о моральной низости “византийства” и иронически – о его схоластике и догматизме» (с. 504).

Таким образом, Г.А. Шенгели предлагает оригинальное жанровое определение своей поэмы и предшествовавшего ей прозаического текста: это – “экстракт византийской истории”. Автор сознательно смешивает наиболее колоритные явления и события византийской жизни, стремясь, чтобы в его сочинении Византия была представлена вообще и в принципе; чтобы в нем содержался насыщенный раствор (отсюда слово “экстракт”) византинизма. Этой цели поэт пытается достичь как в целом, так и в деталях.

Отметим, что такая методика приема для поэта, но не подходит для комментатора. Поэтому составителю примечаний В. Перельмутеру, вероятно, следовало бы отметить в ряде случаев явные наложения разновременных пластов, создававших единое художественное пространство, в котором и существует “моральная низость византийства”.

Думается, все-таки, что последняя формула используется Г.А. Шенгели в

основном с целью камуфляжа. Конечно, она связана и с давней, еще средневековой традицией восприятия ромеев как людей лукавых, и со взглядами демократически настроенных русских интеллигентов начала XX в., отрицательно относившихся ко всему имперскому. Но непредвзятый современный читатель (и тем более, читатель эпохи сталинизма) вряд ли просто поверил бы, что Шенгели ставит перед собой только историко-антикварные задачи. “Византийская повесть”, без сомнения, – произведение тираноборческое. Его основные идеи – бренность земной власти тиранов и воздаяние за совершенные преступления. Владыка огромной империи не думает о том, что судьба его самого и всех его начинаний зависит от простого повара. Целям политического камуфляжа служат и презрительный отзыв автора о “византийстве”, и ссылка на прадеда – далматинца, и упоминание о надписи, сделанной на полях рукописи почерком начала XIX в.: “Об этом следовало бы подумать Наполеону Бонапарте” (с. 504). Византийское маскарадное одеяние декорирует произведение политической поэзии XX в. Происходит двойная подмена авторства: Шенгели признает себя лишь одним из создателей поэмы, другой ее создатель – автор старинной русскоязычной рукописи (возможно, прадед поэта), а третий – тот византиец, что некогда составил предполагаемый первоисточник.

Разнообразная терминология, встречающаяся у Шенгели, не всегда соответствует принятой ныне в отечественной историографии. В этом можно видеть следствие зависимости автора от разных литературных источников, появившихся на русском языке в различные эпохи.

В целом же рассказ о “византийской повести” Г.А. Шенгели хочется завершить словами признательности издателям. Русской поэзии возвращено значительное с художественной и идейной точек зрения произведение, несколько десятилетий оставшееся “вещью в себе”. В последнее время мысль о тесной взаимосвязи различных сфер нашей культуры с византистикой на-

ходит себе новые, подчас неожиданные подтверждения. Вот и в рецензируемой книге В. Перельмутер пожелал во вступительной статье, чтобы скорее были изданы произведения нескольких полузабытых отечественных поэтов, в том числе стихи “русской Сапфо” Софии Парнок (с. 15). Всего несколько месяцев спустя первый перевод стихов С. Парнок вышел в свет под редакцией замечательной византистки С.В. Поляко-

вой¹. Явление “византийской повести” Г.А. Шенгели – из того же ряда. Она достойна занять заметное место и в нашей поэзии, и в российской художественной литературе о Византии.

О.Р. Бородин

¹ Парнок С. Собрание стихотворений / Вступит. ст., подготовка текста и примеч. С.В. Поляковой. СПб., 1998.

ΙΣΤΟΡΙΩΝ ΓΕΩΡΓΙΟΥ ΠΑΧΥΜΕΡΗ

Во втором томе “Исторических записок”¹ Пахимера приведен обширный отрывок², посвященный взаимоотношениям Византии и тюрок Кастамону в царствование Андроника II Палеолога (1282–1328). Я предполагаю посвятить анализу этого текста специальную статью “Восстание в Кастамону 1291–1293 гг.”³. Поскольку перевод преследует конкретные исторические и текстологические задачи, текст был переведен как можно ближе к оригиналу. Это позволило, между прочим, передать не только важные для исследования стилистические приемы Пахимера (например, использование анаколуфа), но также “неудобочитаемость” его

стиля⁴. Я стремился свести комментарий к минимуму. В заключение я хотел бы поблагодарить О.В. Смыку, которая оказала мне неоценимую помощь в чтении “Историй” Пахимера.

* * *

Месяца Антестериона⁵, двадцать седьмого [числа], где-то возле Вафии⁶, – местность же эта возле чудесной Нико-

¹ Как указывает издатель текста Пахимера А. Файе, восстановить оригинальное название труда практически невозможно. Сам он использует в качестве заголовка одно из них – Συγγραφή των Ιστοριών [πρώτη]. Другие варианты: Γεωργίου τοῦ Παχυμέρη ῥωμαϊκῆς Ιστορίας..., χρονικὸν Γεωργίου Παχυμέρη, Ιστοριῶν [πρώτη], Γεωργίου τοῦ Παχυμέρη Μιχαήλ Παλαολόγος (для первого тома). Georges Pachymères. Relations historiques / Ed. par A. Failler. Trad. par V. Laurent. P., 1984. Vol. I. P. 2–3. № 1; P. 22–23. (Далее: Pachym. I). Я называю труд Пахимера либо “Историей”, либо, в соответствии с мнением А. Файе, “Историческими записками”.

² Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronico Palaeologis libri tredecim / Rec. I. Bekkerus. Bonnae. 1835. Vol. II. P. 327.6–332.6. (Далее: Pachym. II).

³ Опубликование предполагается в 61-м номере “Византийского временника”.

⁴ Ср.: Аверинцев С.С. Византийская риторика. Школьная норма литературного творчества в составе византийской культуры // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 286–287. Характеристику Пахимера см.: Бибииков М.В., Красавина С.К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии // Культура Византии. XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 281; Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 235–239; Failler A. Introduction // Pachym. I. P. XIX–XXIII; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 457; Arnakis G. Pachymeres – a Byzantine Humanist // The Greek Orthodox Theological Review. 1966–1967. Vol. 12. P. 161–167.

⁵ Февраль–март. Пахимер использует лунные месяцы аттического календаря.

⁶ Битва при Вафии произошла 27 июля 1302 г. См.: Schmid P. Zur Chronologie von Pachymeres' Andronikos L. II–VII // BZ. 1958. Bd. 51. S. 85; Laiou A.E. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicos II, 1281–1328. Cambridge (Mass.), 1972. P. 91; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches' 565–1453. 4. Teil: Regesten von 1282–1341. München; Berlin, 1960. N 2244. S. 37; Beldiceanu I. Les débuts: Osmân et Orkhân // Histoire de l'Empire Ottoman. Sous la direction de R. Mantran. P., 1992. P. 19; PLP. Fasz. 9. N 21013. S. 2.